

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

В.М. Розин

Институт философии РАН

rozinvm@gmail.com

В статье анализируются несколько типов общественно-политического дискурса социальной справедливости: «социалистический», «правовой», «комформистский». Рассматриваются условия мыслимости данных типов общественно-политического дискурса. Показывается, что важную роль в понимании дискурса социальной справедливости играют, с одной стороны, взаимоотношения личности, общества и государства, с другой – особенности формирующегося в настоящее время «ведущего типа социальности». Хотя дискурс социальной справедливости в значительной мере изжил себя, массы и политики продолжают следовать ему.

Ключевые слова: дискурс, справедливость, социальность, перераспределение, права, провидение, реальность.

Кто только ни ссылается на социальную справедливость, причем с совершенно разными целями и намерениями. Меня эта тема как философа интересует с точки зрения того, как устроена современная социальность. На мой взгляд, понимание социальной справедливости позволяет уяснить особенности одного из основных трендов формирующейся новой социальной реальности. В методологическом плане к той же теме я подхожу в плане анализа дискурса социальной справедливости. Как психолога меня занимают представления человека (личности) о социальной справедливости.

Начать можно с рассмотрения социальной справедливости, как она понималась в работах Сола Алинского и движения, сложившегося на основе его социальных идей Ирина Жешко пишет: «Еще большую известность, принесла Алинскому организация ACORN¹, а точнее, целая сеть подоб-

ных организаций в Америке и за рубежом, построенных во многом по образцам социальных экспериментов Алинского и его модели соорганизации людей². Социальные организаторы (social organizers) и созданное ими социальное движение привели к власти своего президента в Америке и способствовали переизбранию его на второй срок, они же сформировали его программу действий как в ее конструктивной части (реформа здравоохранения, образования, иммиграции и т. д.), так и в смысле национальных проблем, которые ему выпало решать: экономический кризис и огромный государственный долг³.

² В этой статье я буду пользоваться терминами «соорганизация», «соорганизовывание» как синонимами, наиболее близкими по смыслу к английскому термину social organizing.

³ Жешко (Браун) И. Модель организации Сола Алинского // Философия управления: методологические проблемы и проекты. – М.: ИФРАН, 2013.

¹ The Association of Community Organizations for Reform Now.

Если для Алинского двумя главными задачами было инициировать самостоятельность и борьбу за права местных бедных общин, а также разработать социальные технологии, позволяющие мирным путем решать первую задачу, то цели движения, взявшего на вооружение технологии Алинского, кардинально изменились. Главным *становилось справедливое перераспределение общественного богатства и захват власти в стране как необходимое условие такого перераспределения.*

«Когда организаторы попытались свести воедино все выдвинутые на местах предложения, выяснилось, что члены этого движения практически не имели никаких общих скреп, кроме технологий самоорганизывания; по основным содержательным идеологическим вопросам разные ячейки ACORN либо расходились во взглядах, либо не имели вовсе никакой позиции. Это нашло отражение в преамбуле к платформе, где социальная база ACORN определялась как “большинство, выкованное из многих меньшинств”, которое обещает “выстроить американское общество, где все будут *делить общее благосостояние* и воевать за свою свободу”. В конце концов, предвыборная платформа была написана узким кругом организаторов на основе их собственной идеологии. Чтобы успокоить общественное мнение, напуганное агрессивной платформой ACORN, один из ее лидеров определил цель своей организации следующим образом: “Мы не стараемся захватить власть или богатство. Истеблишмент также имеет право на них. Однако мы хотим иметь в них нашу **справедливую долю** (fair share)”. Основатель ACORN Вейд Ратке в разговоре с единомышленником ответил на вопрос о целях и идеологии ACORN еще прямее: “помогать людям с низким и скромным доходом получить то,

что им по праву принадлежит”. На вопрос, что же им по праву принадлежит, он ответил с улыбкой: “Все!”. Взятые вместе эти заявления наглядно отражают социальную базу и риторику движения, которое тридцать лет спустя, в 2008, приведет к присяге своего президента»⁴.

Что при этом понималось под социальной справедливостью? По меньшей мере, два момента. Во-первых, то, что бедные, цветные, безработные, мигранты, низкообразованные, проигрывающие другим в конкуренции живут значительно хуже, чем богатые, белые, работающие, образованные, удачливые в работе и бизнесе, причем *вторые получили свои преимущества за счет первых* (за счет кражи, эксплуатации, несправедливого распределения и т. п.). Во-вторых, при этом были нарушены естественные, неотъемлемые права людей.

Здесь стоит остановиться на правовом аспекте понимания социальной справедливости. Если XVII веке речь шла только о небольшой группе личных прав, которые должны были обеспечивать социальную справедливость, то сегодня государство берется гарантировать самые разные права:

– «Права на независимость от власти (свобода веры, свобода вероисповедания и свобода совести, право на личную свободу, право на приобретение и неприкосновенность частной собственности, свобода передвижения по территории государства, тайна и неприкосновенность переписки, свобода слова и свобода мысли и объединения, право на неприкосновенность жилища, свобода выбора профессии и т. д.).

⁴ Жешко И. Цит. соч.

– *Права на участие во власти* (активное и пассивное избирательное право, право участвовать в управлении государством, право лично обращаться в государственные органы и органы местного самоуправления и т. п.).

– *Экономические, социальные и культурные права*⁵. Предложив эту третью группу прав, замечает А.А. Матюхин, «обновленная теория естественного права не только сумела дать идеально-ценностное оправдание правам и свободам классического либерализма (им соответствуют две первые группы прав, но и ответить на “советский” вызов, связанный с **правами “второго поколения”**»⁶. (Права второго поколения – это права различных сообществ и популяций, например, малоимущих, сексуальных меньшинств, аборигенных народов и т. п.).

Нетрудно заметить, что расширение видов прав происходило по мере роста экономических возможностей государства, а также его политических амбиций. В свою очередь, последние формировались под давлением политической системы и системы гражданского общества. Идеологи этих систем в XIX–XX столетиях настаивали на реализации в праве и в государственном устройстве новых принципов справедливости, позволяющих преодолеть социальное неравенство людей и обеспечить им достойный уровень жизни. На основе этих идей в XX столетии была сформулирована и реализована (правда, мало где, но, например, в ФРГ) концепция «социального государства», в рамках которой декларируются следующие принципы: *условия жизни, не унижающие человеческого до-*

*стоинства, социальное равенство, оказание социальной помощи нуждающимся*⁷.

Правда, указанные принципы социального государства предполагают вмешательство государства в рыночную стихию, а также сокращение бюджета граждан для обеспечения новых прав и прав второго поколения. Основная же линия развития европейского права, начиная с XVII века, напротив, состояла в блокировании возможности государства вмешиваться в дела общества и граждан. Социальное государство, пишет А. Матюхин, «помимо обеспечения прав, создания и применения законов, также имеет дело с *распределением всяческих льгот и компенсаций*, направленных на исправление различных перекосов и исторически сложившихся неравенств. Эти неравенства во многом являются результатом действия “правил игры” рыночной экономики: *в условиях “свободного рынка” и “честной конкуренции” формально-правовое равенство не только не означает равенства возможностей, но в некоторых случаях даже усиливает преимущества одних людей над другими*»⁸.

Матюхин показывает, что либерально-демократическая традиция обсуждения этих дилемм (Ролз, Сэндел, Дворкин, Тейлор, Нагель, Скэнлон, Макинтайр, Уолцел и др.) позволила выйти к следующему решению:

– «признавать и гарантировать каждому те индивидуальные права, по поводу которых имеется «всеохватывающий консенсус» в смысле Ролза, то есть те, которые признаются корпоративно и культурно независимыми «первичными благами» <...>;

– законодательно обеспечить формальное равенство <...> институциональных

⁵ Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход. – Алматы, 2000. – С. 241.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 244.

⁸ Там же. – С. 248–249.

субъектов права при продвижении ими собственных концепций Блага⁹.

Дж. Ролз видит основания для «всеохватывающего консенсуса» в обществе, являющемся «честной системой кооперации между свободными и равными людьми», которые «создают и воспроизводят порядок социальной кооперации благодаря своим способностям (или моральным силам — *moral powers*)», коренящимся в публичной культуре демократического общества и поддерживаются ею¹⁰.

Здесь «первичные блага» предназначены компенсировать неравенство, возникающее в рыночной экономике или по другим причинам; идеи «всеохватывающего консенсуса» и общества как «честной кооперации», члены которой обладают публичной демократической культурой, должны обеспечить нахождение согласованных и приемлемых социальных решений. Понятно, что для реализации перечисленных принципов необходимо выполнить много разных условий, относящихся к обществу, государству и личности. Поскольку сделать это трудно или в современных условиях просто невозможно, указанное решение представляет собой классическую утопию.

Если внимательно присмотреться к пониманию права, как оно складывается к концу XX столетия, то нельзя не отметить двойственную трактовку: с одной стороны, право по-прежнему рассматривается как юридическая норма и понятие справедливости, закрепляющие сложившиеся социальные и экономические отношения (властные, хозяйственные и т. д.), с другой — право все больше понимается как **способ «конституирования» социальной жизни**. Действительно, право позволяет реали-

зовать такие идеалы общества, как социальное равенство, свобода личности, справедливость, достойный уровень жизни и другие. Право, как пишет Ролз, «создает и воспроизводит» порядок социальной кооперации. Поясню.

Одно дело, когда требование справедливости, реализуемое в праве (например, как это было в Риме, дать права негражданам), исходит из требований жизни и опирается на нее, ведь реально многие неграждане в Римской империи давно действовали, как имеющие права, и нужно было только оформить в праве сложившуюся практику. Другое, когда требование справедливости выдвигается сначала в сфере идей, размышлений или теорий, например, предоставить права сексуальным меньшинствам или потенциальным самоубийцам, поскольку всякий человек свободен и имеет право на личную жизнь и смерть. Конечно, можно возразить, сказав, что социальная жизнь начинается именно с идей и теорий.

Начинается, возможно, с этого, но становится реальностью только тогда, когда выясняются возможности эти идеи и теории практически реализовать, а также принять последствия принятых решений. Сегодня мы все чаще видим сочинение и законодательное принятие прав, для реализации которых у государства и общества нет возможностей, а следствия принятых решений или никто не анализировал, или даже навскидку видно, что они негативные. Вот этот случай я и называю конституированием с помощью права социальной жизни, но, вероятно, лучше его в отличие от обычного, обеспеченного средствами и властью, правового конституирования назвать «необеспеченным» или «интенциональным». Как правило, интенциональное право соз-

⁹ Там же. — С. 316.

¹⁰ Там же. — С. 276.

дает в культуре различные дополнительные проблемы и напряжения.

Если вернуться к пониманию Солом Алиным социальной справедливости, то нельзя не вспомнить Карла Маркса. Следуя за социалистами, Маркс утверждает в «Капитале», что в капиталистическом обществе царит социальная несправедливость, поскольку капиталисты крадут у рабочих значительную часть создаваемой ими прибавочной стоимости. Хотя ради справедливости стоит отметить, что начало этого дискурса положил Платон. В «Законах» он с горечью замечает: «теперь нам предстоит сражаться с двумя противниками: бедностью и богатством. Богатство развратило душу человека роскошью, бедность их вскормила страданием и довела до бесстыдства»¹¹.

Маркс тоже порицает огромное богатство одних и сопутствующее ему обнищание других. Источником и того и другого он, вслед за социалистами, считал капитализм, частную собственность и кражу части чужого труда, формально принадлежащего капиталисту, но по праву справедливости – только рабочему. Энгельс в предисловии ко второму тому «Капитала» приводит комментарий Маркса на сочинения его предшественников. В частности, Маркс делает следующее замечание: «Постоянное стремление того, что мы называем обществом, состояло в том, чтобы при помощи обмана или убеждения, страха или принуждения заставить производительного работника исполнять труд за возможно меньшую долю его собственного труда <...> **Почему же рабочий не должен получать абсолютно весь продукт своего труда?** <...> так как эти материалы находятся в обладании других лиц, интересы которых противопо-

ложны интересам рабочего и согласие которых является предпосылкой его деятельности – то не зависит ли и не должно ли зависеть от милости этих капиталистов, какую долю плодов его собственного труда они пожелают дать ему в вознаграждение за этот труд<...> по отношению к величине удержанного продукта, называется ли это налогами, прибылью или **кражей**»¹² (выделению автором. – В.Р.).

Говоря в «Тезисах о Фейербахе», что философы лишь различным образом интерпретировали мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его, Маркс отчасти идет вслед и дальше за Платоном. Ведь последний тоже считал, что социальную реальность нужно построить по образцу мира идей. Маркс уточняет: не мира идей, а, следуя *историческим законам* («Я, – поясняет он в предисловии к первому тому «Капитала», – смотрю на развитие экономической общественной формации как на *естественно-исторический процесс*»)¹³. Но самое любопытное, что доказать в «Капитале» кражу капиталистом части прибавочного продукта ему так и не удалось. Действительно, анализируя механизм образования прибавочной стоимости и структуру рабочего дня, Маркс как честный ученый вынужден был признать, что и капиталист прав, и рабочий. Вот это замечательный фрагмент.

«Мы видим, что если не считать весьма растяжимых границ рабочего дня, то природа товарного обмена сама не устанавливает никаких границ для рабочего дня, а следовательно, и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если воз-

¹¹ Платон. Законы. – Соч. в 4 т. – Т. 4. – М., 1994. – С. 381.

¹² Маркс К. Капитал. – Т. 2. – Издание восьмое. – М., 1935. – С. XII–XVI.

¹³ Маркс К. Капитал. – Т. 1. – М., 1978. – С. 10.

можно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара (труда рабочего. — В.Р.) обуславливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антиномия, **право противопоставляется праву**, причем они в *равной мере санкционируются законом товарооборота*. При столкновении двух равных прав решает сила»¹⁴.

С одной стороны, это рассуждение есть констатация реального развития событий в период первоначального накопления и дальше (борьбы за пределы рабочего дня и приемлемые условия труда), с другой — известного убеждения Маркса, что борьба классов — движущая пружина социальной истории. Однако дальнейшая история капитализма показала, что хотя сила действительно важный фактор, наряду с ней есть и другие — общество, право, новые производственные и технологические возможности, позволяющие поднять уровень значительной части трудящихся, эволюция новоевропейской личности, пошедшей на компромисс и большую законность.

Когда жил Маркс! Но созданный им политический дискурс (по сути, социалистический) жив и процветает. Вот известный журналист, писатель и комментатор «Эхо Москвы» Юлия Латынина, которую я, кстати, уважаю за политическую смелость, ясное мышление и бескомпромиссность. В своих передачах на «Эхо» Латынина постоянно говорит о некомпетентности, корыстности и неэффективности нашей власти и управления. А одно из последних выступлений Латыниной, на мой

взгляд, было отчасти посвящено социальной несправедливости. Приведу его окончание.

«Посмотрите, что у нас получается? 5–6 млн человек с корочками или с погонами. Вместе с членами их семей это уже 10 % избирателей, по сути говоря, это российский средний класс. Одновременно опорой власти являются широкие слои людей, лишенные под благовидным предлогом самостоятельных источников дохода, поставленные на государственное довольствие. 40 миллионов пенсионеров, 10 млн настоящих люмпенов, 2,5 млн врачей и учителей. То есть получается, что самостоятельных работников в России меньше половины избирателей, да и самостоятельные работники сильно зависят от государства. Потому что идеал государства таков: наверху госпаразит с корочкой, внизу госзависимый и совсем внизу гастарбайтеры-рабы. Ну, и за кого они проголосуют? Другими словами, без радикального сокращения ментов и чиновников, без пересмотра их полномочий, без радикального пересмотра налоговых моделей, без перестройки образования, медицинского и пенсионного обеспечения любой новый глава государства станет вторым Путиным»¹⁵.

Слушатель «Эхо» спрашивает: «Как дать жителям понять, что так больше нельзя? Как заставить их выйти на Майдан и удерживать там, не прибегая к левым лозунгам?» Латынина соглашается, говоря, что это, собственно, одна из самых главных проблем. Думаю, эта позиция очень характерна для нашей оппозиции: ее идеологи и сторонники считают, что «лодку надо раска-

¹⁴ Там же. — С. 246.

¹⁵ Латынина Ю. Код доступа // «Эхо Москвы» от 08.12.2012.

чать изо всех сил», что надо заставить россиян выйти на улицу, хотят они того или нет. А почему, собственно? Ведь сама Латынина показывает, что больше половины жителей страны крепко держатся за государство, зависят от него. Зачем же они будут раскачивать лодку, того и глядишь, она перевернется и пойдет ко дну?

У Латыниной получается, что чуть ли не все работающее и неработающее население России госзависимо. Странная схема. С одной стороны, она создает у нас патологическую оптику, склоняя считать каждого человека социальным наркоманом, т. е. больным, неправильно живущим. Но может ли все население России жить неправильно? С другой стороны, намек, что госзависимость как болезнь поддается лечению, надо просто захотеть работать, а не жить за счет государства.

В рассуждениях Латыниной (не только в данном выступлении, а вообще) можно заметить две совершенно разные логики. Одна, почти марксистская, когда она говорит следующее: каждый отдельный человек может думать по-разному, но есть общие социальные и культурные закономерности, которым люди подчиняются, понимают они это или нет. И далее Латынина описывает эти закономерности. Например, что в настоящее время, если в стране низкий уровень культуры, всеобщие выборы с большой вероятностью приводят к фашизму, что в России выгодны насилие и нарушение законов, что современное государство и гуманитарные организации заинтересованы в перераспределении средств (от работающих к неработающим), заинтересованы в наличии большого процента безработных, беженцев и всяких люмпенов, что войны в настоящее время экономически не выгодны, что российская власть работает в

направлении создания всеобщей госзависимости и т. д. Все эти закономерности, по убеждению Латыниной, свидетельствуют о том, что российская социальность устроена неправильно и несправедливо.

Вторая логика совершенно другая, так сказать, субъективистская. Латынина предполагает, что люди эгоистичны, гребут под себя, обманывают других, сбиваются в кланы, захватывают власть, эксплуатируют, грабят, убивают. Причем именно эти мотивы (а не встречающиеся иногда благородные намерения и поступки) и определяют общественно-политические процессы. Что собой представляет наша власть, чиновники, фээсбэшники, менты? Это разбойники, воры, убийцы, паразиты, имитаторы, в лучшем случае — люди, обманывающие сами себя и не понимающие, что они на самом деле делают.

Каким образом первая логика связана со второй? Мне кажется, что Латынина сама этого не понимает. То она пишет, что умный правитель типа Саакашвили может кардинально изменить общие тренды социальных процессов, то соглашается, что, увы, это невозможно, что в бедных странах (с низкой культурой и мифами в голове у каждого второго-третьего) реформатор обречен на поражение. С одной стороны, Латынина рисует апокалиптическую картину гибели страны именно в связи с испорченностью, эгоизмом и недомыслием людей, с другой — говорит о госзависимости, выгоде насилия, особенностях реформирования и других социальных закономерностях.

Если подумать, какую роль у Алинского и Латыниной выполняет представление о социальной справедливости, то придется признать сходство подходов и принадлежность самого подхода к социалистическому мировоззрению. Демонстрация

социальной несправедливости призвана инициировать социальное действие вполне определенного типа, а именно *направленное на изменение социальных отношений и реальности*. Но если сравнить эти представления на предмет содержания, то представления о справедливости Алинского и Латыниной противоположны. Если первый считает, что одна из главных задач – справедливое перераспределение общественного продукта (от богатых к бедным, от работающих к неработающим и т. д.), то Латынина уверена, что такая практика порочна, несправедлива, препятствует развитию экономики, ведет к деградации страны, развращает население, способствует его деградации.

Есть ли альтернатива социалистическому дискурсу справедливости? В исторической ретроспективе – это аристотелевский дискурс справедливости. Что Аристотель понимает, говоря о справедливости? С одной стороны, «следование закону», с другой – «середину ущерба и выгоды». «Несправедливым, – пишет Аристотель, – называют как нарушающего закон, так и берущего лишнее с других, и человека не равно относящегося к другим людям. <...> Если человек, преступающий законы, несправедлив, а держащийся законов – справедлив, то ясно, что все, установленное законом, в известном смысле справедливо»¹⁶. Тем не менее Аристотель бьется над вопросом, как определить, что такое справедливое действие (решение) независимо от его законности.

Дело в том, что в древней Греции законов было относительно мало, они были несовершенны, следовали им не всегда, поэтому Аристотель старался решить вопрос прежде всего в плоскости мышления, создавая для него особую норму. Определив

справедливое как «середину ущерба и выгоды, ограничивающую произвол», как «равное отношение» в суде, Аристотель вроде бы решил задачу, причем, с нашей точки зрения, в этическом плане. Однако, что такое ущерб или выгода и как провести середину между ними? Разве эти представления сами не допускают разных толкований?

Поскольку для Аристотеля общественное благо стояло выше личного («желанно, – пишет он, – разумеется, и благо одного человека, но прекраснее и божественнее благо народа и государства»¹⁷), справедливость нагружается Стагиритом характеристиками, работающими главным образом на социальное целое (следование законам, равное отношение в суде, позволяющее минимизировать социальные конфликты). На заднем плане, как подчиненные, находятся собственные ценности Аристотеля – идея меры, компромисса («середина ущерба и выгоды»), разумного поведения, согласия.

И дальше (идея римского и естественного права) сохраняется приоритет общественного истолкования и понимания справедливости над личным. Но в новейшее время, как мы видим, этот приоритет был нарушен в пользу личности.

Другая альтернатива – религиозное понимание. Здесь источник справедливости – Бог, однако замыслы его для человека непостижимы. Поэтому человек может считать несправедливым то, что на самом деле таковым не является. Еще в раннем средневековье Северин Боэций в работе «Утешение философией», написанной им в тюрьме в ожидании возможной казни, наметил подобное понимание справедливости. «Признав Бога единственной причиной всего происходящего в мире, Боэций необходи-

¹⁶ Этика Аристотеля. – СПб., 1908. – С. 83–84.

¹⁷ Аристотель. Политика // Соч. в 4 т. – М., 1983. – Т. 4. – С. 410.

мо вынужден все это происходящее признать благим (“*omnem bonam prorsus esse fortunam*”). Так же, как и случайность, “Бог удалил всякое зло из пределов своего государства посредством невозможности для сущего избежать судьбы” (“*per fatalis seriem necessitatis*”). Зло – такая же иллюзия, как и случай, ибо Бог все направляет ко благу. “Тебе кажется, что на земле много зла”, Т. 4. – поучает Боэция Философия, – “но если бы ты смог увидеть замысел Провидения, то бы понял, что зла нет нигде”¹⁸.

Современный вариант этого дискурса мы видим у А.Ф. Лосева.

«В конце концов, – рассказывает он – все приходит к вопросу о добре и зле. Бог творец, всемогущий, а здесь что творится? Разве не может он одним движением мизинца устранить все это безобразие? Может. Почему не хочет? Тайна <...> Отпали ангелы. Дьявол, отпавший ангел, все признает, кроме абсолютного бытия Бога. Неужели Бог не мог бы привести его в такое состояние, чтобы он не делал зла? Ха-ха! А почему Бог этого не делает? Тайна.

А верующий тот, кто эту тайну прозрел. Другие, дескать, э, никакого Бога нету. Это рационализм, и дурачество <...> А вера начинается тогда, когда Бог распят. Бог распят! Когда начинаешь это пытаться понимать, видишь: это тайна. И древние и новые, конечно, эту тайну знали. Аристотель наивно в одном месте “Метафизики” говорит так, в другом иначе. И там, и здесь все правильно. Но если ты скажешь: как же это так, там у вас абсолютный ум, перводвижитель, который всем управляет, а тут черт

знает что творится? Как клоп, будет убежать от пальца. А был бы верующий, сказал бы: это тайна <...>

А так, без веры – вульгарный оптимизм и рационализм. Конечно, помолишься – утешись, болезнь пройдет. А если нет, если болезнь хуже, если ты помрешь – то да, будет воля Твоя! Тайна неисследуемая и невыразимая!

Вот поэтому, излагая нудную, скучную метафизику, претендующую на абсолютность (крепкое, божественное устройство мира), я считаю, что тут же заложена и вся относительность. Небо, конечно, движется на века. Этот бог, по крайней мере нижний, но даже этот бог движется всем движением небесного свода. Но если в одну секунду окажется, что этого свода нету, какой-то один момент, и весь этот небесный свод выпал, взорвался, поломался, исчез – я не удивлюсь. Потому что я верующий. А если бы я был язычник – то да, конечно, сказал бы я, здесь у нас на земле хаос, но зато неподвижные звезды все движутся постоянно, вечно, неизменно и т. д. С христианской точки зрения это относительно, но язычество – это абсолютизация всего мира. Ну что ж, пусть Платон и Аристотель верят, что это устройство нерушимо, пусть верят. Но если вдруг случится катастрофа, то они не знают, куда деваться, но я скажу: свершилась тайна Божия; так должно быть»¹⁹.

Социалистическому дискурсу противостоит также дискурс, который можно назвать «комформистским». Здесь справедливым считается то, что реально складывается в рамках «ведущего типа социальности». Вернемся к размышлениям Латыниной. В ряде своих публикаций она обсуждает

¹⁸ Стасюк Ю. Преодоление судьбы в «Утешении философии» Боэция // Материалы второй научной конференции преподавателей и студентов 4–5 апреля 2001. – Новосибирск: Новый Сибирский университет, 2001. – С. 116.

¹⁹ Бибихин В.В. Из рассказов А.Ф. Лосева // Начала. – 1993. – № 2(8). – С. 141.

следующую ситуацию: в мире и в том числе в России миллионы людей не работают и живут за счет государства или благотворительных организаций²⁰. С точки зрения Латыниной, это следствие действия либеральной доктрины и кризиса современного государства. В России, показывает она, к этому добавляется страх властной элиты перед народом, распространение насилия как способа решения социальных проблем, крайняя неэффективность государства.

Еще Латынина старается показать, что многие чиновники международных гуманитарных организаций и правозащитники, хотя субъективно считают себя работающими на благо общества и человека, на самом деле служат противоположным целям. Скажем, может ли Палестинская автономия прожить без гуманитарной помощи? Нет и нет. Но эта помощь, показывает Латынина, позволяет миллионам арабов уже много лет жить и размножаться, не работая. Причем в такой помощи заинтересованы не только палестинцы, но и сами международные гуманитарные организации, сотрудники которых неплохо зарабатывают. Понимают они это или нет, но объективно чиновники гуманитарных организаций, число которых постоянно растет, поступают эгоистич-

чески. Однако на пособия живут, не работая, не только многочисленные беженцы, осевшие на чужих территориях в результате войн. Известно, что пособия составляют значительную долю бюджета безработных, которых, возможно, в мире даже больше беженцев.

Теперь правозащитники. Они, пишет Латынина, бросаются защищать всех, кто, с их точки зрения, подвергается преследованию государства или насилию со стороны более сильного (как, например, арабы со стороны Израиля). При этом часто правозащитники защищают настоящих преступников, а последние этим пользуются, выдавая себя за жертвы. Рассмотренные здесь случаи – примеры нового эгоизма, в разных обличьях широко распространяющегося в современном мире. И конечно, такое положение дел, с точки зрения Латыниной, – явная социальная несправедливость.

Но что автор понимает под эгоизмом? Не просто себялюбие, или эгоцентричность по Пиаже, и то и другое для многих людей, вероятно, действительно было характерным, начиная с античной культуры. Речь идет о другом. О тех периодах в истории нашей цивилизации, когда перестают работать традиционные представления о реальности и привычные социальные нормы поведения и человек вынужден заново во всем этом устанавливаться. При этом, как правило, он во многом начинает опираться на самого себя, т. е. действует эгоистично, что и приводит, как говорил Платон, к «войне всех против всех», к разного рода социальным конфликтам, вплоть до смертоубийств. Для России эта ситуация особенно драматична, поскольку, с одной стороны, были разрушены социалистические представления и ценности, а с другой – нам вменяют западные капиталистические

²⁰ «Алинский крайне негативно относился к индустрии welfare как таковой, т. е. прямому участию государства в решении проблем бедности. В частности, он считал, что welfare организации не представляют людей в том смысле, в каком их представляют демократически избранные лидеры. Сеть welfare организаций, как и всякая индустрия, говорил он, заинтересована лишь в увеличении своих размеров и влияния, в данном случае количества получателей помощи, что в конечном счете и произошло в последние пол века. В сентябре 2012 уже каждый седьмой житель, или 47 млн американцев, получали государственную помощь в виде талонов на питание, не говоря о других видах помощи. Для сравнения в 1970-х такую помощь получал только один из 50» (Жешко И. Цит. соч.)

и либерально-демократические картины мира и представления, которые сами переживают глубокий кризис.

Для современного эгоизма характерно то, что его представители уверены, что они самые обычные люди, не эгоисты, а часто даже альтруисты, работающие на общее благо. Сотрудники международных корпораций, эксплуатирующих местное население, не сомневаются, что их корпорации, конечно же, благо, поскольку дают работу и несут цивилизацию; российские власти, попирающие права своих граждан и берущие взятки, считают, что только так и можно управлять нашим темным населением и жадным бизнесом, что все это на пользу обществу. Как никогда прежде, относительно современности справедлива формула, что дорога в ад вымощена благими намерениями.

Я думаю, что новый эгоизм вызван не социальной несправедливостью, а характером современной социальности. История показывает, что эгоизм, высвобожденный развитием культуры, социальными изобретениями и новыми технологиями (поэтому каждый раз новый), рано или поздно преодолевается именно усилиями основных социальных субъектов, действующих на социальном поле. В настоящее время эгоизм преодолевается не способом построения либеральных институтов, что было характерно для XVII–XVIII веков, и не путем построения демократических институтов (XIX–XX века), а *посредством давления, переговоров, расчетов и компромиссов*.

Может быть, наши властные элиты и хотели бы забирать себе все, но вынуждены отдавать населению столько, сколько необходимо, чтобы оно голосовало «за» и не взбунтовалось. Анализ показывает, что конфликты основных социальных субъектов в настоящее время разрешаются путем уста-

новления баланса и противодействия разных сил. Существенную роль здесь играют эгоистические устремления социальных субъектов, расчеты своего рода «разумного эгоизма», культурные факторы, обсуждения и умонастроения в обществе, активность и пассионарность отдельных сообществ, предпочтения и поступки личности, наконец изобретение новых социальных технологий (союзы, компромиссы, переговоры, реформы и прочее).

Стоит отметить еще один аспект ведущего типа социальности. В современной цивилизации многие миллионы неработающих (безработных, беженцев, больных, просто не желающих трудиться) и не меньше работающих неполный рабочий день или только эпизодически – не простое недоразумение, не досадная недоработка хорошо выстроенного здания капитализма или социализма, а постоянно действующая закономерность, значение которой, судя по всему, будет возрастать. Общество готово идти на компромисс, обеспечивая терпимую, а иногда и вполне удовлетворительную по прежним меркам жизнь всех этих миллионов (а в перспективе, может быть, одного или двух миллиардов) в обмен на социальный мир.

Подобная ситуация стала возможной в силу эффективности современных технологий и производства; в будущем развитие робототехники сделает эту проблему еще более острой. В относительно близкой перспективе для производства товаров и питания нужно будет все меньше специалистов, их с успехом заменят машины, автоматические линии и роботы. Посмотрим с этой технологической точки зрения, например, на ситуацию, которую разбирал Маркс. Капиталисты изобрели социальную технологию, позволяющую получать сверхпри-

быль. Рабочие противопоставили этой технологии забастовки, критику капитализма, политические действия, кстати, тоже представляющие собой социальное изобретение и технологию. В результате не сразу, но тем не менее обе стороны социального конфликта пошли на компромисс (который опять же предполагал новые социальные технологии) и было достигнуто относительно мирное сосуществование.

Нельзя ли и на современную действительность посмотреть сходным образом? Новый эгоизм, конечно, налицо. Но можно ли в этом обвинять современную личность или властную элиту? Поступает ли, например, чиновник несправедливо, когда он занимается «рентостроительством», т. е. изобретением схем и созданием условий, позволяющих извлекать из своего места доход? Он создал и реализует новую социальную технологию, позволяющую ему увеличить свою власть и благосостояние. С точки зрения абстрактных этических принципов и, заметим, отчасти трудового соглашения, он, конечно, поступает нехорошо. Но с точки зрения возникших возможностей и опять же отчасти существующих законов он остается в правовом поле.

Право чиновника как человека, не нарушая законов, расширять свои возможности и благосостояние (Как обычный человек, я, конечно, на стороне Латыниной и меня возмущает, если не больше, поведение нашей власти и бюрократов. Но как ученый и философ, я должен следовать за дискурсом, спокойно анализируя его последствия. Однако, как человек действия и определенных идеалов, я дальше, поняв реальность, могу обдумывать свои действия, направленные на изменения сложившейся ситуации. Но опять же, анализируя их последствия). Право граждан, поставивших чиновника

на службу обществу (правда, поставивших опосредованно, через выборы и государство), требовать от него не рентостроительства, а добросовестного выполнения своих функций.

Почему я называю поведение современных реформаторов, чиновников или правозащитников «эгоистическим», ведь они сами искренне думают, что работают на благо общества и человека, служат, так сказать, справедливости? Мало ли что думает отдельный человек, более важно, как он поступает реально, какие объективные тенденции поддерживает. Не имеем ли мы здесь дело с еще одним, очень важным в современности смыслом дискурса социальной справедливости, о котором писал М. Фуко? А именно, что *существует дискурс, публично демонстрирующий одно, а реально способствующий прямо противоположному*. Ну да, Сол Алинский боролся за демократию, но с точки зрения объективных социальных процессов укрепления государства его дискурс, сказал бы Фуко, прикрывал противоположные тенденции подчинения самоорганизации населения бюрократическим и эгоистическим замыслам. «Если попытаться оценить эффективность экспериментов Алинского и его последователей в отношении заявленных ими вначале целей, — пишет Жешко, — т. е. посмотреть, в какой мере эксперименты и начатое им движение social organizing привело к ожидаемым им результатам, то здесь, как я пыталась показать, Алинского бы ждало сильное разочарование. Он, как исследователь и экспериментатор, заметил это отчасти сам в последней главе “Правил”».

Эксперименты, начатые во имя развития местной демократии, подорвали самые основы демократии на местном уровне. Отстранение (выпадение) рядовых американ-

цев от политической жизни в конце XX века стало еще более массовым, чем в 1960-х. В заметной степени снизилась роль организаций, таких как профсоюзы, политические партии, добровольные организации в демократическом процессе, а именно в прямом представительстве интересов ее членов. Одновременно резко повысилась роль этих же организаций в манипулировании коллективными средствами и мнением своих членов. Руководство организаций типа ACORN с самого начала вело прямой диалог поверх голов ее членов с крупными политическими игроками – государством, партиями и большим бизнесом. Предложенная Алинским модель вовлечения граждан в решение своей судьбы через организации и формула демократии как “организации организаций” оказались неспособными решить эту задачу. Одна из причин непригодности его модели, как показал опыт ACORN, состоит в том, что члены организаций быстро теряют контроль над собственной организацией и превращаются в ее пешек. Организации, созданные Алинским и его последователями, оказались захваченными и контролируемы той же самой “номенклатурой”, что и социальные институты²¹. Добавим еще один штрих к характеристике ведущего типа социальности.

Изменяются взаимоотношения между государством, обществом (а также сообществами), бизнесом и личностью в плане перераспределения социальных функций. Яркие примеры, благотворительность, некоммерческие общественные организации (НКО), волонтерское движение, фандрайзинг (назовем подобные сообщества «инициирующими»). Во всех этих случаях функции, которые раньше выполняло государство и его институты, берут на себя

отдельные личности или сообщества, действующие исходя из собственных идеалов и представлений, а не институциональных или организационных требований. Это стало возможным не только потому, что у людей появилось много свободного времени и приходят свободные средства, но и потому, что государство неудовлетворительно выполняет свои функции, а граждане видят свое назначение в работе на благо общества, в помощи тем, кто нуждается. Понятно, что неработающие или работающие частично будут пополнять ряды перечисленных выше иницирующих сообществ.

Итак, для современной социальности характерны определенные формы осознания действительности (формы «социальной концептуализации»), а именно *либерально-демократические* (право, гуманизм и т. д.), *стремление к социальному миру, возможность государства перераспределять доходы* (налоги, выплаты, льготы, преференции и пр.), *заинтересованность многих социальных субъектов и организаций в подобном распределении* (государственные институты, гуманитарные и правозащитные организации и т. п.), *вменение общественности нужных ценностей и видения* (СМИ, пиар, реклама). В результате и устанавливается то, что я называю «ведущим типом социальности» как характерной черты социальности нашего времени. Немалый вклад в ведущий тип социальности вносит и социалистический дискурс справедливости. И наоборот, складывающийся буквально на наших глазах новый тип социальности укрепляет и обосновывает социалистический дискурс²².

²² Если движение Сола Алинского идет в русле становления ведущего типа социальности, то Латынина, напротив, сопротивляется этому становлению. Она правильно указывает на негативные последствия этого становления. Другое дело, что в рамках социалистической стратегии решить проблемы, на которые Латынина указывает, невозможно.

²¹ Жешко И. Цит. соч.

В этом месте наш оппонент может возразить. Как же так, с возмущением скажет он, у автора получается, что дискурс социальной справедливости – это или инструмент для непродуманных социальных преобразований, если не революций (социалистический дискурс), или ловкое прикрытие нового эгоизма (по Фуко), или иллюзорная форма сознания, не ухватывающая божественного провидения (религиозный дискурс), или, наконец, комформистская констатация сложившегося положения дел. А как же социальная справедливость по сути, и разве борьба за социальную справедливость не улучшила жизнь миллионов людей?

Да, улучшила, но одновременно породила монблан проблем и способствовала становлению социальной реальности, где не остается места социальной справедливости в ее исходном платоновском смысле – как царства идеального, света, разума и порядка. Не изжила ли себя идея социальной справедливости, не превратилась ли она в свою противоположность?

Но что значит «изжила», для кого? Ну да, анализ показывает, что дискурс социальной справедливости способствует противоположным тенденциям: и поддерживает людей, и создает неразрешимые проблемы, причем вторые постепенно начинают перевешивать достоинства социальной помощи. Однако научные исследования, как известно, мало влияют на поведение масс и политиков. Они будут следовать за привлекательными и обещающими картинками до тех пор, пока реальные последствия «картинной жизни» не станут очевидными и больно ударят по благополучию населения. Когда это еще произойдет, скажет скептик, и произойдет ли вообще?

Это рано или поздно обязательно случится, но не само собой, а в результате наших усилий, где важное место занимает работа философа и ученого. Именно они выводят на свет и анализируют реальность, которая себя уже изжила или которая хотя и заявляется как современная, но чревата многочисленными негативными последствиями. Философы и ученые конституируют и новую реальность, призванную ответить на вызовы современности.

Литература

- Аристотель*. Политика / Аристотель // Соч. в 4 т. – Т. 4. – М., 1983. – С. 376–644.
- Бибихин В.В.* Из рассказов А.Ф. Лосева / В.В. Бибихин // Начала, 1993. – № 2(8). – С. 124–144.
- Жешко (Браун) И.* Модель организации Сола Алинского / И. Жешко (Браун) // Философия управления: методологические проблемы и проекты. – М.: ИФРАН, 2013 (в печати).
- Маркс К.* Капитал / К. Маркс. – Т. 2. – Издание восьмое. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.
- Маркс К.* Капитал / К. Маркс. – Т. 1. – М.: Политиздат, 1978.
- Матюхин А.А.* Государство в сфере права: институциональный подход / А.А. Матюхин. – Алматы: Высшая школа права «Адilet», 2000. – 596 с.
- Платон*. Законы // Соч. в 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1994.
- Стасюк Ю.* Преодоление судьбы в «Утешении философии» Боэция / Ю. Стасюк // Материалы второй научной конференции преподавателей и студентов 4–5 апреля 2001 г. – Новосибирск: Новый Сибирский университет, 2001. – С. 116.
- Этика Аристотеля*. Пер. с греч. Э. Радлова. – СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1908. – 207 с.
- Латынина Ю.* Код доступа / Ю. Латынина // «Эхо Москвы» от 08.12.2012 [Электронный ресурс]. – URL: <http://echo.msk.ru/programs/code/963956-echo/>